

ИРИН КАХР
ПО ЦЕЛЬСИЮ

ДО 1100°

...когда
горят
люди...

18+

Ирин КаХр
По Цельсию до 1100

«Автор»

2026

КаХр И.

По Цельсию до 1100 / И. КаХр — «Автор», 2026

Почти наше время. Опоздал на смену — минус пять процентов зарплаты. Поругался с коллегами — минус пятнадцать. Застукали поющим — минус сто. Имарис Хорн читает книги, напевает мелодии, улыбается солнцу после ночной смены. И вынуждена это прятать. Однажды её автобус сворачивает не туда. Вместе с другими «странными» пассажирами Имарис увозят за колючую проволоку, в лагерь секретной службы АБСС. Здесь она понимает: она скрывалась недостаточно хорошо. Всех, кто сюда попадает, ждёт участь страшнее смерти. Прибывшие — лишь расходный материал. Им остаётся только ждать. Но дни идут, а Имарис не трогают. Чем дольше она наблюдает за тем, что происходит с другими, тем отчётливее чувствует: с ней что-то не так. Вокруг неё сходит с ума всё больше народу. Теперь ей предстоит выяснить, почему система сделала из неё исключение. И что случается с теми, кого забыли забрать.

© КаХр И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1 ...чёрный лебедь, белый лишь во сне...	7
Глава 2 ...кто ты? тебя уже зовут...	13
Глава 3 ...с неба на камни срываюсь..	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ирин КаХр

По Цельсию до 1100

ПРОЛОГ

Сирена ворвалась в сон, разрывая привычную тишину. Бомил подскочил на койке, спроне не понимая, где верх, где низ. В комнатухе без окон — темно, хоть глаз выколи. Нашу-пал ботинки, натянул штаны, вылетел в коридор.

Там уже бежали люди. Учёные, инженеры, лаборанты. Их лица в мигающем свете аварийных ламп выглядели чужими, испуганными. Кто-то тащил ящики с бумагами, кто-то просто бежал, не понимая куда. За двенадцать лет работы здесь тревогу не включали ни разу.

— Что случилось? — он поймал за рукав пробежавшего лаборанта. Тот только помотал головой и вырвался.

В главном зале — амфитеатре, откуда они наблюдали за работой Вершителя, — уже стояли солдаты. Чужие, не из их охраны. В чёрной форме, с автоматами. Не двигались, не вмешивались, просто ждали.

Профессор Лапор стоял перед человеком в шинели без знаков различия и что-то доказывал, размахивая руками. Бомил подошёл ближе, услышал обрывки:

— не имеете права! Мы работаем по личному распоряжению! Объект номер один

— Проект закрыт, — голос человека в шинели звучал спокойно и негромко, но его слышали все. — Приказ Генсека.

Бомил замер. Генсека? Того самого, кто пришёл к власти в этом году? Того, кто, как говорили, сам обязан Вершителю своим постом?

— Все сотрудники, задействованные в проекте, подлежат немедленной эвакуации на базу Машрал, — продолжал человек в шинели, заглядывая в планшет. — С собой возможно взять только ручную кладь. Личные вещи. Любое сопротивление будет рассматриваться как акт неподчинения.

— А Объект? — голос профессора Лапора сорвался. — Что с Объектом?

— Объект номер один также подлежит эвакуации.

Бомил смотрел на профессора, на его побелевшие губы, на трясущиеся руки. Объект всегда оставался здесь. Объект — часть Вершителя. Без Объекта устройство не работало. Если Вершитель закрывают, зачем им Объект?

— Людей разделить, — человек в шинели оторвался от планшета. — Кто работал над проектом — тех наверх, грузить отдельно. Кто по сыворотке — в Машрал.

Бомил вздрогнул. Он числился по проекту. Вместе с профессором Лапором, вместе с теми, кто строил и испытывал Вершитель. Вместе с теми, кто видел, как устройство впервые включили здесь, на границе с Орбанией, в семьдесят девятом, когда он ещё нёс службу солдатом-срочником.

Он помнил тот день. Помнил, как загудела башня, как воздух сделался тяжёлым, как люди в посёлке по ту сторону границы вдруг замерли, а потом потом всё пошло не так. Эффект оказался кратковременным, переворот всё равно пришлось добивать танками, но сам факт — что можно заставить тысячи людей думать одинаково — потряс тогда всех.

Именно тогда профессор Лапор заметил его, простого солдата, и сказал: «Оставайся. Пригодишься». С тех пор Бомил жил здесь, в бетонных коридорах, слушая низкий гул башни, который никогда не прекращался. Гул означал, что Вершитель жив, что он ждёт своего часа, что где-то внизу, в клетке из металлических ферм, сидит человек и смотрит в пустоту.

— Пяст! — голос профессора выдернул его из воспоминаний. — Собирайся. Мы едем в Машрал.

— Но я по проекту...

— Теперь нет. — Лапор схватил его за руку, повёл к выходу. — Теперь мы все по сыворотке. Забудь про Вершитель. Его больше нет.

В коридоре, ведущем к пандусу, их обогнали солдаты. Они вели человека. Бомил узнал его сразу — видел много раз, когда тот стоял в клетке под конструкцией башни. Объект номер один. Худой, небритый, в мятом бушлате, который ему велик. Он шёл, не глядя по сторонам, не сопротивляясь, не замечая суматохи. Просто переставлял ноги.

И вдруг остановился.

Прямо напротив Бомила. Повернул голову и посмотрел на него.

Такого взгляда Бомил не видел никогда. Не боль, не страх, не отчаяние. Пустота. Выжженная, мёртвая пустота. Человек, которого использовали до дна.

Секунда. Может, две. Потом солдаты дёрнули Объекта за руки, и он пошёл дальше, туда же, куда собирали остальных. К выходу.

— Не смотри на него, — шепнул профессор Лапор. — Смотри вперёд. Забудь. Этого не существовало.

Бомил кивнул. Он уже понял правило.

Наверху, на плацу, горели прожектора. Грузовики с людьми и ящиками выстраивались в колонну. Бомил забрался в кузов последней машины, рядом с профессором и ещё несколькими учёными. Колонна тронулась, когда небо на востоке начало светлеть.

Он обернулся. Трёхэтажное здание комплекса уплывало назад, в нём гасли огни. Рядом с ним, пристроенная к стене, возвышалась кирпичная башня с кольцами наверху. Бомил знал, что внутри неё — пустота. Вершитель остался внизу, мёртвый, запечатанный. Кольца больше никогда не загудят.

Колонна уходила в рассвет, белые ночи Петира оставались позади.

Глава 1 ...чёрный лебедь, белый лишь во сне...

Тяжёлая и бесконечная от ожидания смена наконец закончилась. И народ потянулся в раздевалки. Скучным, молчаливым потоком. Идя в самом хвосте очереди, ведь моя рабочая точка находилась дальше всех, я изнывала от желания обогнать, ну или хотя бы попинать впереди идущих для ускорения. Но не делала этого. Не хотелось лишаться денег.

Рабочую дисциплину на комбинате регулировали только одним — премией. А точнее, её урезанием. Опоздал на смену — минус пять процентов, вошёл в раздевалку после смены раньше положенного — минус десять, поругался с коллегами — минус пятнадцать, вступил в спор с начальством — минус двадцать, не выполнил порученную работу — минус двадцать пять, выполнил непорученную — минус тридцать, застучали спящим — минус тридцать пять и так далее, до самого критичного — застали поющим, танцующим, читающим — минус сто. Таким темпом зарплата таяла на глазах.

Впрочем, так дисциплину регулировали почти повсеместно. Только в учебных учреждениях лишали накопленных за учёбу баллов, а на работе — денег.

Правда, последний пункт появился только лет двадцать пять-тридцать назад, ещё до становления Его Превосходительства Генсека первого. Так говорила мама. И, пусть этого не писали в учебниках Новейшей истории, я ей верила и жалела, что не помню то время. Наверно, было здорово.

Танцевать не только под Новый год, выходя на центральную площадь города всем коллективом комбината, и то лишь потому, что за это единственный раз в год делается надбавка к зарплате. Петь не только гимн в начале рабочей смены, а читать не только должностные и всякие там инструкции по охране труда.

Нет, дома никто не запрещал петь, танцевать или читать. Но в установленное время и, ни в коем случае не мешая соседям. Будто чтением их можно побеспокоить. Если только... Я хихикнула, представляя, как читаю «Мастера и Маргариту» вслух и в полный голос.

— Ты что? — тут же покосилась на меня рабочая с цеха. Я торопливо проглотила улыбку и опустила глаза в пол.

— Ничего! Просто мышечная судорога.

Да, улыбаться и смеяться — у нас тоже запрещено. Правда, негласно. Работа может и должна вызывать положительные эмоции, но нужно уметь использовать их для повышения производительности труда. В противном случае это может привести к ослаблению внимания и допущению ошибок. То есть «выполнение порученной работы неправильно — минус сорок пять процентов премии!» И неважно, что смена закончилась. Я на работе, пока не доберусь до дома. И если допущу недозволительную вольность, любой будет вправе накатать на меня докладную.

Хвост очереди втянул меня в медпункт.

— Фамилия? — строго спросила необъятная медсестра с повадками цербера.

— Хорн! — привычно выпалила я в ответ. Вторая девушка в халате сидела за столом. Она нашла мою фамилию в списках и снисходительно кивнула коллеге. Та тут же развернула меня боком и в одно касание приставленным прямо к одежде пневмошприцом сделала прививку. Очередную и обязательную. Их делают нам каждый день — в начале и конце смены. Говорят, что она профилактическая, от всех болезней. Лично я в это не верю. Хотя бы потому, что неизменно раз в два-три месяца простужаюсь. Но продолжаю «колоться» вместе со всеми. Исключительно из желания сохранить зарплату. «Отказ от прививки» — минус девяносто пять процентов премии. Так что если им не жалко тратить на меня недействующую вакцину, то я потерплю.

А терпеть приходится. Не знаю, как у остальных, а у меня место укола всегда дико чешется. Словно там вдруг посыпается пара десятков мелких паразитов, которые, ползая под кожей, вызывают невероятный зуд. На моё счастье, гадостное ощущение обычно проходит через полчаса, но и за это время я успевала разодрать плечо до кровавых царапин.

После медпункта народ наконец двинул в раздевалку. И я радостная понеслась вслед за всеми. Приняла душ. Украдкой заклеила лекарственным пластырем в очередной раз разодранное плечо. Переделалась. Хорошо ещё, что выход из раздевалки никак не регламентировался. Ждать очереди, чтобы выйти на улицу, я бы точно не смогла. А так, запихав спецовку комом в пакет, забросив на плечо сумку, я почти всегда первая выходила на свежий воздух. Особенно после ночной смены.

И пускай воздух на территории комбината вряд ли можно было назвать свежим, особенно когда иной день со стороны цеха переработки подванивало чем-то, вызывавшим рвотные рефлексы буквально у всех, всё равно я предпочитала пять-десять минут простоять на улице в ожидании автобуса, чем провести ещё хотя бы секунду внутри помещений.

Ведь каждый раз по окончании смены меня буквально раздирало желание действовать. Хотелось прыгать, бегать, петь, танцевать, просто орать от безумного восторга. И всё это, несмотря на изрядную степень усталости. Даже наоборот: чем сильнее я уставала, отработав тяжёлые двенадцать часов, тем мощнее разгоралась внутри меня оголтелая жажда жизни. И это тоже приходилось прятать.

Вот и сейчас, отвлекая себя от желания помурлыкать пришедшую на ум мелодию и от всё ещё зудящего плеча, я рассматривала выходящих из здания раздевалки.

За два года работы на комбинате я так и не смогла привыкнуть к тому, что ночные бдения, и не только они, делали людей похожими на зомби. И не просто похожими. Молчаливые, хмурые, с тёмными провалами пустых глаз. Никто меж собой не разговаривает, не улыбается ярким лучикам весеннего солнца, с автоматической сосредоточенностью ожидая автобуса. Ну, реально, зомби. Живые трупы.

А ведь я знала, что две женщины слева от меня — заядлые огородницы, и, встречаясь в городе на выходных, могли обсуждать огородные темы часами. В то время как здесь они стояли рядом, молча и почти не глядя друг на друга.

Илай Бай, крепкий, всегда гладко выбритый парнишка, заядлый любитель футбола. Аккуратно, словно замедленный бег трусдой, переминаясь с ноги на ногу, он каждый раз ждал автобуса куда сильнее, чем я. Потому что только дома мог узнать о результатах новых розыгрышей. Или чего там в футбольном мире происходит.

Мужчина-каланча и пухлая девушка-плюшка чуть впереди — встречаются. Выходя за проходную, девушка неизменно вешалась на локоть своего кавалера, и они уходили вместе в сторону автостоянок. Ходили слухи, что она увела мужчину из семьи, но скрывали отношения на работе они не поэтому. На комбинате запрещалось паре, неважно, законные это супруги или гражданский брак, работать в одной смене. Едва такое доходило до начальства, попавшихся тут же наказывали лишением части премии — восемьдесят процентов долой, и разводили по разным цехам или даже по разным бригадам. И всё потому, что отношения могут ухудшить работоспособность трудящихся, разлагая дисциплину.

Те, с кем я работала, стояли особняком и, наверно, выглядели самой оживлённой группой на всей автобусной остановке. Хотя обсуждаемая тема — работа и ещё триста шестьдесят пять раз работа — вызывала зевоту не только у меня.

Мимо, неуклюже толкнув в плечо и не извинившись, прошёл невысокий бородач.

— Привет, Игнэт! — вполголоса бросила я вслед, но он не оглянулся.

Игнэт Корташ. Мы с ним ходили вместе в один детский сад и считались закадычными друзьями. Убегая от воспитательницы за веранду, мы с упоением горланили там любимые

песни и мечтали, что когда вырастем, убежим из страны, чтобы за границей петь для людей с настоящей сцены.

После садика мы даже пошли в одну школу, но через год родители Игнэта уехали и увезли его с собой. На долгие годы я потеряла друга детства из виду. Нашла здесь, на комбинате. Какое-то время мы даже общались. Я узнала, что за границей он всё-таки побывал и, как когда-то мечтал, пел в хоре. А вот почему ушёл, он не рассказывал, как и о том, что заставило его вернуться на родину. Да ещё и в родной город. Не думаю, что его тянуло поработать на нашем чудесном комбинате.

Почему вдруг перестали общаться — не помню. Вряд ли причиной могла стать наша попытка заняться сексом по пьяни. Хотя тогда именно он всё испортил. Сказал странную фразу, которую я полностью даже и не запомнила. Что-то типа: «счастлив тот мужчина, что знал свою женщину девочкой». Хотя, возможно, это звучало как-то иначе. Но главное, что упоминание о детстве меня отрезвило. Своё главное правило — не спать с друзьями — я нарушить не смогла. Но, насколько я помню, Игнэт не сильно-то и обиделся. По крайней мере, мы продолжали общаться, много болтая о книгах и музыке. Пока однажды он вдруг не ответил на е-мейл и стал игнорировать меня на работе. Впрочем, иной раз он ещё здоровался, но большую часть времени ходил как все остальные. Хмурый, нелюдимый, молчаливый.

Мои размышления прервала мастер смены. Подошла и молча сунула мне в руки записку. «Крайний срок сдачи инструментов ..., включительно. Невыполнение п2.3 Общей инструкции — сорок процентов премии».

Понимание, что в записке стоит сегодняшняя дата, прошибло меня до самого позвоночника. Мастер отдала мне бумажку, не утруждаясь объяснениями. Значит, она уже заранее решила, что накажет? И как я могла забыть про сдачу инструментов на проверку?!

— Имарис, ты куда? — крикнули вслед, едва я сорвалась с низкого старта в раздевалку.

— Спасать премию! — отмахнулась я. Конечно, я без вариантов опоздаю на автобус. Но, учитывая, что в этом месяце как раз из-за автобуса я уже потеряла два раза по пять процентов премии за опоздание на сменно-встречные собрания, позволить себе потерять ещё сорок я просто не могла.

— Что это? — кладовщицу явно не радовало моё появление в начале рабочего дня.

— Мои инструменты.

— Зачем?

— На проверку! — Предчувствуя, что разговор в духе двух глухих затянется и я опоздаю ещё и на дополнительный автобус тоже, я показала записку. — Вот, мне мастер напонила! У меня сегодня последний день сдачи!

— Серьёзно? — после вопроса, заданного таким вот по-настоящему растерянным тоном, я засомневалась. И, глядя на то, как женщина торопливо защёлкала компьютерной мышкой, неуверенно пробормотала:

— Ну, раз мастер решила, значит...

— Вообще-то, инструменты вам сдавать только через неделю!

— Но... — я сама ещё раз перечитала мастерскую записку. Сегодняшняя дата из текста не исчезла.

— Наверно, какой-то сбой... — пожалала плечами кладовщица, становясь в разы милее и спокойнее. Неужели почувствовала вину, что я прискакала сюда выполнять очередное дурацкое требование руководства комбината, упуская возможность оказаться дома пораньше? — Ну, давайте, давайте, я приму!

О записке и странном поведении мастера я думала ещё минут пять, пока, выйдя из здания, не увидела тот самый дополнительный автобус — готовый уехать. Впрыгнула на ходу. Благо водитель сделал широкий жест, чуть притормозил. Заскочив в гостеприимно распахнутые двери, я вцепилась в поручень, тяжело дыша. Всё-таки физическая подготовка для таких

вот марафонов у меня очень слабая. И в школе, и в технаре, и даже в институте я сдавала все нормы исключительно на уровне «не пролететь по баллам».

Вот вся моя жизнь такая. Ну, не умею я укладываться в рамки. В одних мне тесно, в других — до размеров не дотягиваю. Точность — не мой конёк, абсолютно.

В детстве это, наверно, было не так уж критично. Дети все эксцентричны, кто больше, кто меньше. Стремление выделиться, пусть не поощрялось, но и не преследовалось. Самое серьёзное, что мог услышать детсадовец или школьник младших классов, это выговор в духе «Ну что же ты, будь как все!»

Дальше — сложнее. Ведь пресловутое «будь как все» становилось уже не директивой, а приказом, доведённым до абсурда. Помнится, последние два года школы меня даже кошмары преследовали. Во снах я, глядя в зеркало, видела вместо себя некую усреднённую, безликую фигуру. Усреднённую ото всех — и от девчонок, и от мальчишек. Жуть!

Ещё хуже стало здесь, на комбинате. Почти год я работала вообще без премии. Меня штрафовали за всё. Из списка совершённых нарушений я умудрилась избежать только одного — «Нарушение этической дисциплины», и то потому, что излишне яркая в поведении поначалу я отпугивала всех возможных кавалеров, а потом и сама отшивала осмелевших, боясь от общения с ними получить коллапс мозга. Ни один из них не тянул на вменяемого собеседника, а со стенами я могла пообщаться и без их участия или посредничества.

Говорят, человек привыкает ко всему. Я тоже человек и тоже сумела привыкнуть. Не научиться, но выковырять в своём словаре слово «надо». Вставать по будильнику в шесть утра после всего двух часов сна. Не задрёмывать от недосыпа на работе, глотая втихаря разнообразные таблетки и запивая их бешеными порциями кофе. Не ругаться с коллегами, потому что научилась игнорировать и косые взгляды, и словесные выпады. Научилась в буквальном смысле прикусывать язык, чтобы при общении с начальством не сказать лишнего. Хотя моё дурацкое «работала бы лучше — вы бы меня пристрелили, лишь бы не платить» мастер смены помнила до сих пор.

Приучилась не рваться всем помогать, чтобы не оказаться застуканной за выполнением непорученной работы. А сколько я объяснительных написала, прежде чем «научилась» выполнять порученную работу правильно?! Мне думается, в тот год не было ни единой смены, когда бы на сменно-встречном собрании я не услышала свою фамилию в связи с каким-нибудь нарушением или замечанием. Исправилась. «Вину свою признаю, впредь обязуюсь быть более внимательной». Пусть в большинстве случаев я в принципе и не была виновата. Ни на грамм! Но...

— Хорн, вот любите вы себя оправдывать! — сказала мне однажды старшая дневная мастер. А я, тогда ещё болтливая и безбашенная, лишь пожала плечами:

— А вы покажите мне человека, который в трезвом уме и твёрдой памяти согласится признать себя виноватым?

За год я потеряла и трезвый ум, и твёрдую память, и научилась, не задумываясь, писать любые объяснительные, признавая и вину, и собственную тупость, серость, и всё прочее, на что указывало начальство.

Сложнее оказалось с пением, танцами и чтением. Но и это я научилась скрывать. Книги старалась покупать маленькие и носила их во внутреннем кармане спецовки. Читала их, запершись в туалете, изображая диарею или запор. Чтобы не петь, крутила в голове слова песен, отстукивая ритм пальцами по бедру, а оставаясь в одиночестве, ногтями по столу выстукивала ритм, вслушиваясь в звуки. Танцы? Заменила быстрой походкой и лёгким покачиванием тела в такт движению автобуса или трамвая. За общим колыханием мои танцевальные па вряд ли кому могли показаться чем-то достойным внимания.

Тайный агент, блин.

Но лучше так, чем постоянно терять в зарплате, а то и оказаться уволенной. А другой работы у нас в городе почти не было. То есть была, но для тех, кто не сумел пройти медосмотр

и попасть на комбинат. Работа в городе — это как клеймо идиота или инвалида. На человека, решившего поменять комбинат на город, смотрели едва ли не как на государственного преступника.

При этом, удивительное дело, но рискованные всё же находились. В основном — мужчины. Возможно, потому что они легче переносили гонения? Или потому что мужская сила требовалась везде и на ярлык «беглеца-тунеядца» уже не обращали внимания? Я не знаю. Лично меня перспектива остаться без работы и средств к существованию пугала.

Собственно, вот ещё одна моя странность. Мне страшно не хотелось «быть как все», и всё же я боялась выделяться. И чем старше я становилась, тем глубже укоренялся во мне этот страх, превращая в «усреднённое чудовище» из детских кошмаров. Возможно, это произошло бы много раньше, если бы я так не цеплялась за книги и музыку. Вероятно, именно они — мои спасители.

«Здесь всё то же, то же, что и прежде,
Здесь напрасным, кажется, мечтать...»

Прекрасные стихи, автора которого я не помнила, но это не мешало мне думать, что написал их человек, живший в таком же «душном» от запретов и правил обществе. И мысль, что он сумел сохранить желание творить, что под давлением его чувство прекрасного не придушилось, меня безумно радовала.

Автобус качнуло на повороте при выезде на финишную прямую перед проходной, и я очнулась. Поправила сумку, перехватила пакет — приготовилась. Осталось одно и последнее — проскочить пропускные терминалы и добежать в числе первых до другого автобуса, который повезёт нас домой. Промедлю — и вместо дрёмы в почти комфортных условиях буду болтаться мартышкой на поручне, стоя в проходе.

Подбегая, то есть подходя быстрым шагом к проходной (ведь бегать-то на территории комбината — это нарушение стоимостью аж в пятьдесят процентов) и доставая на ходу пропуск, я краем глаза отметила, что людей в форме охраны за терминалами стоит как-то непривычно много. Вместо обычных трёх-пяти человек, среди которых иной раз попадались и женщины, стоит не меньше десятка хмурых напряжённых мужчин. Уверенно могла сказать, что видела их всех раньше. Но сейчас они выглядели иначе, строже.

«Наверно, какие-то учения», — мелькнуло в уставшем мозгу. Походило на правду. Усиленный наряд в ожидании террористической атаки. Но кому нужно нападать на комбинат? Городским безработным? Я хихикнула. И, благо, в этот раз рядом не было никого, кто мог отследить мои эмоции.

Ну, кроме охранников. Шутя я подмигнула ближнему и взяла под козырёк несуществующей фуражки, отдавая по-военному честь. Молодой человек удивлённо скосил на меня взгляд, но больше ничем себя не выдавая, словно гвардеец у Бикунгемского дворца, которым запрещено как-либо двигаться во время несения караула.

Подавив новую усмешку, я выскочила на улицу и спустя минуты три уже стояла на остановке в толпе людей, удивлённо озирававшихся по сторонам. Вместе со всеми я тоже завертела головой. Не из солидарности или желания не выделяться. Совсем нет! Я отчаянно хотела увидеть заветный автобус, готовый отвезти таких «опоздашек», как я, домой. Но его не было! Обширная стоянка поражала непривычной пустотой.

Молчаливое ожидание продлилось от силы минут пять. Потом по толпе прокатилась первая волна обеспокоенного шёпота, который ещё через короткое время превратился в недовольный гул. Люди хотели домой. Технически я тоже, и в другое время стала бы возмущаться, как и остальные. Но сейчас молчала, поражённая количеством недовольных. Каждый второй. Слишком много. Неправдоподобно много!

Я снова завертела головой. Но теперь не в поисках автобуса, а рыская взглядом по лицам людей, стоявших вокруг. Лишь пара-тройка человек выглядели знакомыми, не больше. Опять-

таки, если вдуматься, в этом не было ничего странного. Комбинат большой, крупных цехов штук пять, а уж сколько мелких подразделений — я даже никогда не пыталась узнать. Не требовалось. А значит, почти нормально, что в толпе опоздавших я никого не узнала. Но... Как получилось, что в полусотне людей собралось столько нетерпеливых? Столько... таких, как я?

Просигналив, из-за поворота дороги вынырнул большой автобус, типа тех, что возили нас по комбинату, и лихо подрулил к остановке. Возмущения стихли мгновенно. А едва двери открылись, народ ринулся занимать места. Да так рьяно, что я инстинктивно отступила в сторону, боясь попасть под чужие ноги. Но, даже зайдя последней, легко нашла свободное место. Как люблю, у окна. Сказывалось, что автобус нам решили подогнать большой.

Села, почти утонув в удобном кресле, и тут же ощутила, как из головы мгновенно выветрились все левые, да и правые тоже, мысли. Усталость, накопившаяся за бессонную ночь, сковала тело коматозным параличом, и я, откинув голову на жёсткий подголовник, задремала раньше, чем автобус наконец тронулся.

Глава 2 ...кто ты? тебя уже зовут...

Резкая остановка кинула меня лицом на спинку чужого кресла. Подавив ругань в зародыше, открыла глаза, соображая, что случилось. По ощущениям, я проспала от силы минут десять-пятнадцать. За это время автобус никак не мог доехать до города. А останавливаться на трассе водителям запрещено. Говорят, ещё до моего прихода на комбинате произошла страшная авария, и именно из-за остановки в неполюженном месте. Тогда почему автобус не притормозил, а именно остановился?

На звук открываемых дверей я невольно приподнялась с кресла. В автобус с трассы(!) вошла девушка. Настолько красивая, что походила на фотомодель с обложек модных забугорных журналов. Платиновые локоны в небрежном порядке лежали на плечах красного пиджака. Узкая короткая юбка с длиной в два пальца выше колена. Неправдоподобно длинные стройные ноги, обутые в изящные лодочки на высокой шпильке. В руках папка для документов.

Девушка остановилась возле водителя и внимательно осмотрела салон. Несмотря на миловидное, почти кукольное личико, её въедливый, проникающий до самого сердца взгляд меня напугал. Я села. Но, услышав громкое: «Добрый день!», не удержалась и выглянула в проход.

— Приношу извинения за внезапную остановку, надеюсь, пострадавших нет? — Отвечать ей не торопились. Но блондинка не расстроилась. Осмотрев салон ещё раз, спокойно договорила: — Сейчас автобус продолжит следование по установленному маршруту...

— Кто вы такая? — не выдержал кто-то с задних мест. Я не оглянулась. Мне куда интереснее было услышать ответ блондинки. А тем временем автобус действительно тронулся.

— Вас не предупредили, но сейчас на комбинате проводится инспекция по оценке качества рабочих мест и социальных услуг, предоставляемых работникам. Я представитель проверяющей организации, и при необходимости обратиться вы можете называть меня Алисой. А пока, — чудом балансируя на модельных шпильках, девушка раскрыла папку и, достав кипу бумаг, протянула сидевшим прямо перед ней: — Возьмите по листу себе и передайте, пожалуйста, по рядам назад... — на неуверенное «ааа», опять прозвучавшее из-за моей спины, блондинка чуть прищурилась, выискивая говорившего, и жёстко добавила: — В ваших интересах выполнять мои требования!

Больше возражающих не нашлось.

А уже через пару минут над спинкой кресла впереди меня появилась бумажная кипа. Взяла себе лист и передала дальше. Спать хотелось по-прежнему, бессонная ночь даже для меня-совы не проходила бесследно. Но... во мне проснулся интерес. Глупый, бестолковый, но зудящий. Что ж за инспекция такая, которая не дотерпела, когда наша смена вернётся на комбинат, а устроила опрос прямо по пути домой? Что, так важно именно наше мнение? А почему? Что такого в этой оценке?

Автобус раскачивало. Для сна самое то, а вот сосредоточиться на буквах текста не получалось. Тем более шрифт для опросников выбрали странный. Крупный, красивый, похожий на рукописный, но оттого непривычный. Да ещё и размещение вопросов выглядело нелепо. Без таблиц, любимых сердцу наших начальниц. Просто текст, не нумерованный и не маркированный, короткими абзацами раскиданный по странице с двух сторон. Прямо руки зачесались взять ручку и обвести всё строгими линейками. Достала, но прежде чем начала чертить, зависла, оглядываясь, вдруг понимая ещё одну странность.

Никто из опоздашек не попросил ручку! Для кого-то, может, мелочь, но с уверенностью скажу, что из моих коллег только у меня в сумке болталась ручка. И, если быть честной, не одна, а две, и ещё карандаш, и блокнот для заметок. Понятия не имею, зачем я их таскала.

Вероятно, на какой-то срочно пожарный случай, если нужно будет что-то записать, или вот, например, заполнить лист опроса по пути домой.

— Простите, Алиса, а вот этот вопрос... — раздалось за спиной, и я, не выдержав, оглянулась. Спрашивал высокий парень, смуглый и с пивным пузом. Неприятный, но почему-то привлекающий взгляд.

— Не зачитывайте вслух, отвечайте, как понимаете, — строго оборвала Алиса, даже не подняв головы. — Пожалуйста, заканчивайте, у вас есть ещё... — она бросила короткий взгляд на наручные часы: — Десять минут.

«Десять?!» — я в панике обратилась к листу, пытаюсь вникнуть в смысл. И зависла, неспособная прочитать. Знакомые с детства буквы я узнавала, но складывались они в совершенно непонятные слоги и тем более слова.

«Псреетдъсвать, птосжйаула»

«Кка ыв отцеанвие совё реачбое мтесо?»

«Дночсоттао ли оон бнесзаопо?»

«Чот ыб ыв илзимнеи ан сёвом реачбом мтесе?»

«Ккиае угсули ыв ыб хлоети пточлуть?»

— Что за?! — возмущённо зашипела я и, вскинув голову, сразу встретилась взглядом с мужчиной, который сидел через проход в параллельном ряду. Лет пятидесяти, седой, строгий, как полковник в отставке. Только думалось, что обычно у военных не бывает настолько растерянного выражения лица. Заметив моё внимание, он открыл рот, но, вспомнив предупреждение платиновой Алисы, не проронив ни слова, уткнулся в опросник и с ожесточением начал писать. Со своего места я видела, насколько сильно он давил на карандаш, продавливая бумагу.

Пришлось и мне вернуться к заданию. Но вместо сосредоточенности на непонятном тексте в голову полез перечень нарушений. Может, я и не знала его наизусть, но почему-то вдруг уверилась, что наказать за отказ отвечать на кракозябные вопросы меня не могут. Так что, как там Алиса сказала? «Отвечайте, как понимаете». Ну, собственно, вы сами попросили!

«Варкалось. Хливкие шорьки пырялись по наве, и хрюкотали зелюки, как мюмзики в мове». — Размашисто написала я напротив первого вопроса и обвела волнистой линией. А потом ещё и нарисовала улыбающуюся рожицу. Глупо, конечно, по-детски, но зачёркивать не стала, лишь к остальным вопросам с воодушевлением написала по строчке из билетов по охране труда. Но в конце меня снова пробило на ха-ха. В результате на свободном месте появилось размашистое: «Да здравствует наш директор, самый человеколюбящий директор в мире!» Не, ну, а что?

— Сдавайте!

О, а я даже и уложилась!

Листы поползли обратно.

Глянуть чужие ответы не удалось даже мельком. Едва кипа оказалась у меня, платиновая Алиса, которая, пока все писали, сидела на выдвижном стульчике возле водителя, встала.

— Не задерживайте, пожалуйста! — И стопку из моих рук буквально вырвала тощая женщина с неопрятной стрижкой и нарисованными бровями, сидевшая впереди. А жаль! Было интересно, как на непонятные вопросы ответили остальные. Но не настолько, чтобы перехотелось спать. А раз опрос окончен, может быть, нас оставят в покое и дадут подремать несколько минут, прежде чем автобус доедет до города?

По факту никому, кто этого хотел, больше не мешали. Но меня очень напрягло то, что вопреки ожиданиям непрошенная гостя и не подумала покинуть автобус. Опершись спиной о кресло водителя, продолжая проявлять чудеса балансировки и стоять, не качаясь на высоких каблуках, она просматривала полученные от нас ответы. Без эмоций и очень быстро, ловко перекладывая и тасуя меж собой листы.

Из-за высоких спинок кресел я не видела остальных и могла переглядываться лишь с «полковником в отставке», которого, как и меня, по-видимому, сильно беспокоило присутствие в автобусе постороннего человека. И от этого беспокойства желание спать, пусть не пропало совсем, но явно притупилось.

Когда бумажная пачка разделилась на две, девушка коснулась плеча водителя:
— Остановите!

Она сказала спокойно и достаточно громко, чтобы не быть внезапной, в конце концов, и мужчина знал, что она стоит у него за спиной, но всё равно остановка оказалась слишком резкой. Меня опять кинуло лицом на спинку впереди стоящего кресла. Но моё возмущение потонуло в общем гуле, возникшем после нового сообщения блондинки. Кажется, не заснули многие.

— Сейчас все, кого я назову, должны будут покинуть автобус.

Блин, там что, ещё и фамилию нужно было писать?! Ахнула я и уже почти привычно переглянулась с седым мужчиной. Вероятно, думая о том же, он сурово поджал губы. А вот остальных, наверно, больше беспокоил вопрос выхода из автобуса. Добираться домой пешком — желающих не было. Хотя во всём происходящем сейчас эта проблема выглядела наименьшей бедой. И пусть никто не запаниковал вслух, Алиса разъяснила:

— За нами следует ещё один автобус, вы пересядете туда!

С недосыпа и от страха я становлюсь жутко болтливой. Обычно я могу себя контролировать, но, видимо, прямо сейчас либо первое, либо второе перевесило. А, может, повлияло то самое беспокойство, не давшее мне заснуть сразу после опроса.

— А остальные?

Блондинка нашла мою вопрошающую физиономию мгновенно. Только что смотрела куда-то в сторону, а, услышав голос, тут же впилась взглядом.

— А остальные... останутся! — твёрдо проговорила она и, не дав мне опомниться, прочла с первого листа: — Акити Лоп!

— Я! — истерично выкрикнули сзади, и мимо торопливо протиснулась девица в белом головном платке. Она вышла первой. Выглянув, я увидела, как она, на мгновение замерев у открытых дверей, всё же двинулась к хвосту автобуса и там исчезла. Проследить за ней дальше не получилось бы в любом случае. Заднее окно автобуса закрывала плотная занавеска. Зимой мешающая, а вот весной и летом вещь просто бесценная, так как закрывала от палящих лучей солнца. И если бы я сидела рядом, то не удержалась бы отодвинуть её и выглянуть. Просто из любопытства. Посмотрела бы на другой автобус, учитывая, что мне как раз в него пересестись не предложат. Хотя бы потому, что на моём листе платиновая Алиса не сможет прочитать фамилию.

Расторопно и не оглядываясь салон покинуло сорок восемь человек. Не надеясь услышать своё имя, мне оставалось только считать тех, кто выходил. И с каждым, кто вышел, напряжение усиливалось. Раньше я чувствовала себя так, идя на сменно-встречные собрания, заранее ожидая выговора. Теперь же беспокойство пришло из-за того, что я опять выделилась.

Собственно, может, этого и следовало ожидать с момента, как я нарисовала на опроснике смайлик? Но кто ж мог знать, что за той мешаниной букв прятались реальные вопросы? Так что теперь меня всерьёз мучили два вопроса: зачем кого-то, в том числе меня, оставили, и... блин, как те, кто вышел, сумели прочитать текст?! При этом я даже не могла сказать, какой именно волновал меня сильнее.

Когда вышел последний из названных — тот самый смуглый парень с пивным пузом, блондинка снова коснулась плеча водителя:

— Продолжаем движение!

Двери закрылись, и автобус тронулся. А те, кто остались, непроизвольно поднялись с мест. Всего шестеро. Я, отставной военный, впереди лохматый коротышка, сбоку от него, за

пару кресел от меня полная женщина с пухлой сумкой, сзади обнаружились стриженный под бокс мужчина в тельняшке и искусственная блондинка в низких и вызывающе коротких шортах.

— Вы ведь не из проверяющих? — голос у «полковника в отставке» звучал надтреснуто и хрипло, как у курильщика.

Прежде чем ответить, «дорожная модель» Алиса обвела всех долгим и внимательным взглядом, попутно убирая листы с результатами опроса обратно в папку.

— Нет.

Чётко, ёмко, быстро. Как выстрел. «Полковник» отступил, едва ли не падая обратно на кресло.

— Тогда кто вы? — почти взвизгнул коротышка, выступив в проход. Даже пребывая в лёгком мандраже, я не могла не заметить крупных дыр на его джинсах. Последний писк моды.

— Не важно. — Ещё «выстрел», и новая жертва.

— А куда нас везут? — робко пискнула «наша» блондинка.

— В АБЭЭСЭС. — «Расстрел» продолжался.

— Что это? Я не знаю такой организации, — зычно пробасил стриженный «боцман».

— Зато там знают вас. — «Ранен и убит». Боцман с сердитым пыхтением скрылся за спинками сидений.

— Но мы же ничего такого не сделали! — отчаянно выдохнула полная женщина, как ребёнку прижимая к себе сумку.

— Вот там и выясним, что вы сделали, делаете и собираетесь делать!

Под конец «Платина» решила не экономить и выпустила «автоматную очередь». «Получив ранение» по касательной, я подавилась воздухом.

— Как ваше АБЭЭСЭС могут знать, что я собираюсь делать, если я сама этого не знаю?

— Вот там и узнаете! — отшила Алиса и отвернулась.

«Шах и мат»!

Как и все до меня, «убитая» я упала на место. Честно, даже и не представляю, почему не впала в истерику. Лишь от новой волны беспокойства заныло расцарапанное плечо. Потирая его сквозь одежду, я уставилась в окно. Пейзаж торопливо менялся с пригородного на сельский и ещё быстрее на прибрежный. Технически я знала, что море у нас неподалёку. Но, вероятно, я единственный человек в городе, кто не выбирался на побережье с тем, чтобы отдохнуть. Не знаю, хорошо ли это или плохо. Зато теперь имелся отличный шанс наверстать упущенное и полюбоваться окрестностями. Только вот не хотелось.

Что за организация это «АБЭЭСЭС»? Сколько ни ломала голову, я не могла не то что вспомнить, даже придумать никакой подходящей расшифровки этим четырём буквам. Впрочем, если уж придумывать. «Адапционная боевая Сармата». А что, хорошо звучит! Но нет, не хватает одной буквы. Тогда, может, «Адаптивное бюро Священного союза»?

Только как бы они ни расшифровывались, это всё равно не давало объяснения, куда и зачем нас везут. Всё происходящее выглядело форменным похищением. Или даже арестом. Правда, без участия спецназа.

А что означали слова Алисы, что там выяснят, что мы делали? Как будто мы — политические преступники! Хотя... Вот «полковник в отставке» или «боцман» могли бы и на самом деле ими быть, но какой преступницей могла стать «наша» блондинка в низких шортах? Низкопробная модель порноиндустрии от забугорных рекламодателей? А женщина с сумкой? Выносит с комбината контрабанду? А я? Что в моей скучной жизни могло быть политически недопустимого?! Пела слишком громко?!

Но прямо сейчас разговаривать с нами больше не собирались, а значит, оставалось ждать, когда прибудем на место, где и чем бы оно ни было.

Приблизительно через час автобус проскочил меж невысоких домиков неизвестного мне поселения, одолел кривой поворот дороги, нависшей над морем, и въехал на территорию воинской части. Ну, я так подумала. Хотя чем ещё могла быть зона, огороженная колючей проволокой, с вооружёнными людьми в камуфляжной форме на изящных, как Эйфелева башня, вышках? Тюремной зоной?

Значит, всё-таки арест? Шорох электрических мурашек пробежал по позвоночнику и ударился в основание черепа. Гудящая пустота в одно мгновение заполнила голову. Задрожали руки, а сердце, обезумев, забилося в груди, мешая дышать. И очень сильно захотелось, если не домой, то хотя бы просто позвонить маме.

— Всем на выход! — приказала «Платина» и первой вышла из автобуса.

Я переглянулась с братьями по несчастью. Седой полковник побледнел и обильно вспотел. Коротышка в драных джинсах пошёл пятнами и вообще выглядел как ящерица или даже черепаха, пытаясь спрятать голову меж плеч. Полная женщина нервно теребила сумку, боясь её опустить. Искусственная блондинка в низких шортах улыбалась. Так натянуто и застывшие, что походила на пластиковую куклу. А «боцман» раз за разом проводил раскрытой ладонью по волосам, приглаживая взъерошенный ёжик. И на жоака ни один из них не тянул. Значит, придётся брать инициативу на себя.

— Ну, — начала я и закашлялась, ощутив, как от волнения пересохло во рту. С трудом сглотнула. — На выход, так на выход!

Вслед за мной потянулись остальные. И мы, выйдя, выстроились неровной шеренгой на площадке позади вышек. Платиновая Алиса успела куда-то исчезнуть. Вместо неё нас ждал новый персонаж. Высокий, широкоплечий, с массивной квадратной челюстью, один из тех, кого вполне уместно назвать шкафом. Тем более что песочного цвета форма делала его почти неотличимым от данного предмета мебели, а узкий лоб и глубоко посаженные глаза заставляли вспомнить портреты неандертальцев. Кто-то очень сильный, но практически без признаков умственной активности.

Большой и тупой. Как пёс, посаженный на короткую цепь. Когда-то давно я видела иностранный мультяш, где над таким вот Собакевичем измывался тощий проныра-кот. Безумно смешно. Вспомнив, я невольно заулыбалась и стала ждать продолжения менее напряжённо. С любопытством оглядываясь вокруг.

Сказать по чести, в своей жизни я не только ни разу не выбиралась на море, которое было у нас буквально под боком, но даже и в детских лагерях не была ни разу. Не знаю почему. Но всё же мои знания о подобных местах, почерпнутые из фильмов и книг, сейчас очень даже правдиво накладывались на увиденное.

Впечатление, что конечный пункт нашего путешествия оказался военной частью или тюремной зоной, производили толстые стены с рулонами колючей проволоки наверху и вышки с вооружёнными людьми. Но, стоя в просторном дворе, шурясь от яркого майского солнца и наслаждаясь тёплым ветерком, я легко представляла, что это первое построение в детском лагере отдыха. Этаким цивильный отдых в строгом порядке и под бдительным присмотром.

Дождавшись, когда мы замрём, шкафодерталец уткнул взгляд в планшет для бумаг и, водя пальцем, начал читать вслух.

— Имарис Хорн?

Ну, точно как в фильмах — переключка новоприбывших.

— Здесь! — не переставая улыбаться, чётко проговорила я, шагнув вперёд. На чуть-чуть, но достаточно, чтобы заметили. Живой клон боевого робота вскользь осмотрел меня с ног до головы, не задержав взгляда ни на чём, и вернулся к зачитыванию списка.

Седого мужчину звали Тома Иварги. Коротышку — Кед Килс. Женщина с сумкой отозвалась на Макеллу Кингур. Пластиковая кукла совсем не ассоциировалась с чётким «Карла

Чон», а вот боцман, казалось, и на самом деле не мог носить другого имени, кроме как Ореж Ревун.

— Навт Лафгац? — На новое имя никто не откликнулся, и военный поднял голову. Пересчитал нас, стоящих перед ним, и, о боги, задумался. Я не успела рассмеяться. — А, его расстреляли и не вычеркнули!

Смех застрял в горле вместе с воздухом. Расстреляли?!

— Что? Больше смеяться не хочется? — спокойно поинтересовался шкафодерталец, теперь пристально меня разглядывая. А я, пожалуй, впервые в жизни потеряла дар речи. Всё, на что меня хватило, — помотать головой. — Вот и отлично! Здесь вы не для собственного удовольствия, и чем быстрее вы это поймёте, тем будет лучше для всех...

Свет померк, улыбаться больше не тянуло. Рядом всхлипнули. Я не оглянулась, но подумала, что заплакала толстуха с сумкой.

— Когда мы сможем вернуться домой?

О, оказывается, голос пропал только у меня. Других объяснение военного, наконец, подтолкнуло к действиям. Ну, по крайней мере, к желанию задавать вопросы. Чтобы спросить, «полковник» даже не вышел из строя. И лишь мельком я увидела, как покровительственно он приобнял действительно плачущую Макеллу за плечи.

— Никогда! — короткий, как выстрел, ответ. Видимо, шкафчик и Алиса учились «стрелять» в одной школе. Только в этот раз «выстрел» задел по касательной не меня. Или просто я сейчас уже хуже соображала?

— Вы не имеете права нас удерживать! — взревел Ореж, оправдывая свою фамилию, и неожиданно для всех кинулся на шкафодертальца. Но не сделал и пары шагов, как позади него возник солдат. Взмах — и приклад автомата с силой опустился на затылок боцмана. Мужчина грузной тушей рухнул на горячий бетон.

Я лишь вдохнула воздух, но закричать не успела. Вцепившись руками в рваные края шорт, глядя расширившимися глазами на лужу крови, стремительно растекавшуюся вокруг головы задиры-боцмана, не двигаясь с места, завопила Карла. Пронзительно, дико и истерично, на одной ноте, словно пожарная сирена.

— Заткнуть! — сморщившись, приказал громила, и к девушке поступили солдаты. И только в этот момент я заметила вокруг нас десяток вооружённых человек. Ударить орущую блондинку им не дали. Наперехват борцам с шумом, неожиданно, кинулся лохматый корытшка. Но что он мог сделать против тренированных военных? Его отбросили в сторону легко, как ребёнка. Или... котёнка. Наподобие того, что вылетел из сумки Макеллы. Падая, Кед вцепился в неё, вырывая из рук растерявшейся женщины и, вероятно, разрывая застёжки. Иначе как тогда спрятанный там живой комочек мог бы вылететь?

Под захлёбывающий вскрик толстухи, растопырив лапки и хвост, серый «заяц» пролетел по воздуху пару метров и шлёпнулся к ногам шкафодертальца. Тот отшатнулся, но спустя секунду-другую, рассмотрев нападавшего, взглянул на нас и мерзко ухмыльнулся. Не знаю, собирался он ударить котёнка или просто наступить на него, чтобы раздавить как таракана. Не стала дожидаться.

Рванулась вперёд и, растянувшись на животе, ободрав колени и локти, поднырнула под чужой сапог. Схватила малыша в ладони, отодвигая в сторону, но не успела отклониться от удара сама. Тупоногая военная обувь с силой двинула меня... То есть если на сантиметр-два в сторону — точно бы в глаз, а так — в угол глаза. Но и этого хватило, чтобы в шее что-то мерзко щёлкнуло, а в голове рванул тротиловый запал.

И меня резко перестали интересовать остальные — всё ещё орущие, всхлипывающие и пыхтающие наподобие паровоза.

— А-а-а! — взвыла я и, перекатившись на бок, прижала руки с начавшим вырываться котёнком к пульсирующему болью лицу. Ощувив на щеках влагу, испугалась, что потеряла

глаз. Но в следующее мгновение кто-то, склонившись, с силой развёл мне ладони, одновременно вырывая из них котёнка. Спротивляться я не смогла, как и обрадоваться услышанному: «Глаз цел!». Тот, кто меня осматривал, надавил куда-то прямо в центр пульсирующей болью раны, и под спокойное «вероятны повреждения глазницы» я провалилась в спасительное беспамятство.

Глава 3 ...с неба на камни срываюсь..

Мутило невыносимо. Всё вокруг расплывалось в одно белёсое нечто. Сплошное, без разрывов и изменения цвета. Ровный белый цвет, словно бы я смотрела на огромный лист бумаги. И сколько я ни вертела головой, его края увидеть не могла. Или, может быть, их просто не было? А, может, передо мной какая-то оптическая иллюзия? Ведь не может белый цвет быть настолько идеальным. Даже в идеально окрашенной комнате всё равно, возможно, пусть не увидеть, но как-то внутренне почувствовать стены, пол, потолок...

Здесь же я не видела и не чувствовала никаких границ. Да и не только их. Я ничего не видела.

Кроме...

Где-то далеко, если в этом помещении имелось такое понятие, на пределе зрения показалась крохотная точка. Утомлённый безликим белым фоном взгляд вцепился в яркий чёрный цвет мгновенно, высматривая и пытаюсь понять, что это. Но разгадала лишь, когда точка вдруг полетела ко мне. А приблизившись, обзавелась углами, превратившись в стремительно растущий квадрат. Точнее куб. И в конце концов, не прошло и десяти секунд, как передо мной возник небольшой, чуть крупнее старых ламповых телевизоров, матово-чёрный куб.

Просто возник посреди белёсого нечто, в котором я по-прежнему не видела никаких поверхностей, в том числе и той, на которой мог стоять появившийся предмет. То есть фактически он мог бы и висеть, парить в пустоте... Хотя. Вот интересно, а куб «стоит» или «лежит»?

Внешне абсолютно одинаковые по размеру и по цвету грани объёмной фигуры не давали понять, где у этой штуки верх или низ, а значит, в отличие, например, от параллелепипеда, этот куб невозможно было «положить» или «поставить».

Вторую точку, появившуюся чуть в стороне от куба, я заметила не сразу. Краем сознания зафиксировала, что вижу что-то ещё, продолжая таращиться на куб. Наслаждаясь тем, что тошнота отступила, и меня больше не мутит. Разве что немного разболелась голова. Но и боль отступила, когда новый объект для наблюдения чуть увеличился. Не веря себе, вытаращив глаза, я смотрела, как ко мне бежит заяц. Не просто заяц, а мультяшный, забугорный. Поджарый, на задних лапах, как бегун-профессионал.

Подбежал и, упёршись лапой в матовый куб, достал из-за спины морковку. Довольно ухмыльнулся и вдруг... заговорил:

— Как... дела?

От удивления где-то за ухом дико заныло. Я прищурилась, усилием воли задавливая боль, но это не помогло. Заныли всё левое полушарие мозга, ухо и даже шея. Я обхватила готовую разорваться на части голову руками...

Попыталась это сделать, но не смогла. Руки остались на месте, не сдвинувшись и на миллиметр. Дёрнула их и чуть не вывихнула запястья, стянутые невидимыми путами. Кролика мои трепыхания позабавили. Он снова ухмыльнулся и вдруг чётко, по-военному поинтересовался:

— Каково её состояние?

Только от звука чужого голоса боль охватила уже всю голову, запульсировала в глазу и огнём спустилась по шее к лопаткам. Желание стиснуть страдающую черепушку стало совершенно нестерпимым, но я по-прежнему не могла двигать руками. И не только ими. Изогнувшись в попытке их освободить, я ощутила, что и мои ноги что-то придавливает к холодной твёрдой поверхности.

Белёсый туман исчез, сменившись багровой тьмой, в которой утонули и агатовый куб, и ухмыляющийся кролик, оставив меня в одиночестве бороться с невидимыми путами. Я всё так же ничего не видела, но зато могла слышать. И неожиданный ответ, данный уже не кролику, а кому-то там, за тьмой, заставил замереть, прислушиваясь.

— Состояние?! А если бы она лишилась глаза?

О, кажется, говорили обо мне. Пострадавший орган отозвался на упоминание новой вспышкой боли и слезами, намочившими повязку. Теперь я чётко осознала, что лежу на чём-то не жёстком, но холодном, на лице — тугая повязка, а мои запястья и щиколотки крепко стянуты чем-то вроде ремней.

— И это нисколько бы ей не повредило! И не пытайтесь мне говорить иначе!

Я стиснула зубы, не показывая возмущение. Хотя сейчас, когда к ноющей голове и пульсирующему глазу добавились зудящие содранные колени и локти, я почувствовала в себе невероятно сильное желание поспорить с шкафодертальцем насчёт того, какой вред я бы получила, потеряв глаз. И ещё более сильное искушение проделать с ним то же самое. Ну, хоть попытаться!

Голос ответившей я тоже знала, но сразу не сообразила откуда.

— Я не об этом! Остальные могли испугаться и...

Остальные?! Помутнение прошло окончательно. Я вспомнила платиновую блондинку, зашедшую в автобус с трассы, по требованию которой оставшихся после тестирования привезли в странное место, похожее одновременно и на военную часть, и на тюремную зону. И, кажется, прямо сейчас я могла узнать, чего ради.

— И что? Попытаться сбежать? Напасть на моих солдат? Взять штурмом стены или ворота? Вы же их видели! Эти шестеро просто стадо баранов!

— Эти шестеро, капитан Вальм, последние «творчи» на сотни километров вокруг! Хотите потом лично объяснять товарищу Генсеку Первому, что с ними произошло?

Чужое возмущённое сопение, похожее на пылесос с одышкой, затихло вместе со мной. «Творчи»? Шестеро? Речь точно шла о нас, тех, кто не прошёл тестирование, но я не знала слово, которым нас обозвали.

«Ты не знаешь и расшифровки АБСС», — с ехидством фыркнуло сознание.

«Ну да, — согласилась я, начиная диалог с внутренним голосом. Пока все молчали, почему бы не поговорить с хорошим человеком, то есть со мной? — Таким образом, я получила ответ, почему нас сюда привезли».

«Это не ответ, это ещё одна загадка», — с таким утверждением сложно было не согласиться.

«На безрыбье и рак рыба — без ответов хоть какая-нибудь информация!»

«Из которой ты всё равно ни фиги не поняла!»

— С ними всё в порядке!

«Ну вот видишь?» — радостно возопила я, забывая про свои беды. Но про них не забыла Алиса.

— Конечно! Двое на успокоительных, а ещё двое в лазарете — один с разбитой головой и другая с гематомой в пол-лица!

«Вот это ты, наверно, красавица!» — восхитился голос. И я пожалела, что некуда его треснуть, чтобы не испытывал такой уж явной радости. Или это было сочувствие? Хотя вряд ли. Сочувствовать и переживать я могла только детям и животным. Сама же не относилась ни к первым, ни ко вторым. Так что на данный момент могла только удивляться, что за меня переживает платиновая эстремальщица. Впрочем, может, у неё были для этого другие, более козырные интересы?

— Но они живы! — сдаваться «шкаф» не собирался, и я с трудом сдержала злобное шипение, чтобы себя не выдать.

— А...

— А вы приведёте их в порядок к нужному моменту. Если мне не изменяет память, именно в этом и заключаются ваши обязанности, доктор Марони. Правильно?

«Приведёте их в порядок!» Блин, говорил так, словно мы роботы, которых нужно привести в порядок, выправив обшивку и долив масла в сочленения суставов, или вообще — бесчувственные манекены. Гад!

Заныли пальцы. И я поняла, что, сдерживаясь, с силой стиснула кулаки и, наверно, до крови вонзила ногти в ладони.

Грубость и неприятное ехидство в голосе шкафодертальца задели и Алису. А потому ответила она уже значительно тише и спокойнее:

— Правильно...

— То есть вопрос об инциденте улажен?

— Да.

— Что ж, тогда жду отчёт по выполненной работе. И в ваших интересах, чтобы эти двое были готовы к использованию уже послезавтра.

— Я поняла, — смиренно отозвалась Алиса, а у меня от возмущения перехватило дыхание. «Готовы к использованию?!» Я для них что, туалетная бумага?! Я уже собралась заорать в голос, посылая шкафообразную сволочь куда подальше, изъявляя несогласие «быть готовой к использованию», и не ожидала почувствовать ледяное прикосновение чужих пальцев. Не простое прикосновение. На пару секунд мне показалось, что запястье попало в медвежий капкан, способный с лёгкостью переломить человеческую кость. Не самый тонкий намёк «заткнуть рот».

— Отлично, честь имею! — бравый щелчок каблуков, и громкий печатный шаг. До двери. Потом усталое шипение движущихся створок, словно в каком-нибудь фантастическом фильме, и военный марш ушедшего капитана Вальма поглотила больничная тишина.

— Как я и думала, вы умны...

Поняла, что обращались ко мне, лишь когда ледяной капкан убрался с руки, а тонкие пальцы коснулись лица, проверяя повязку.

— Умная бы здесь не оказалась... — буркнула я в ответ. Общаться с Алисой я не желала, но дурная привычка не держать язык за зубами и тут подвела.

— Ну-у-у... — медленно протянула «латиновая», а её пальцы, заскользив, коснулись запястий и шиколоток. Проверяет ремни? — По факту, не играет роли — насколько вы умны. Другого варианта просто не имелось...

— Потому что я... из творчей?

— Хм, вы настолько давно очнулись? — в голосе доктора Марони прозвучало... смущение, что ли? Словно она не хотела об этом говорить, как о чём-то постыдном, неприятном.

— Что это означает?

— Как вы себя чувствуете?

— «Шкаф» назвал вас доктором. Почему? Какая у вас специализация?

— Шкаф? А, вы про капитана Вальма... — Алиса хмыкнула. Больше она меня не касалась. Но я чувствовала, что она продолжает стоять рядом. Даже сразу представилось: красный костюм она сменила на белый халат, роскошные платиновые локоны завязала в пучок и обезобразила фотомодельный облик большими уродливыми очками. Лабораторная крыса, подвид — учёная. Теперь хмыкнула я и тут же себя остановила. Ситуация не располагала к веселью.

— Почему я связана?

На это Алиса сочла уместным ответить:

— Вы не связаны, просто ваши конечности зафиксированы ремнями...

«Конечности»... Фу, кажется, я рано сочла «Платину» более человеческой.

— Я это называю связыванием!

— А во врачебной практике это называется фиксированием пациента во избежание сопутствующих травм.

— Сопутствующих?! — я вспыхнула. — Этот гад мне чуть глаз не выбил!

— А зачем вы полезли ему под ноги?

— А что, я должна была смотреть, как он убивает котёнка?

— То есть покалечиться самой — для вас лучший выход?

— Это не выход, я просто защищала малыша!

Повязка по-прежнему лишала меня зрения, но в этот момент слишком уж сильно захотелось увидеть выражение лица блондинки. Потому что интонации её голоса мне совсем не понравились.

— Вот поэтому вы и оказались здесь.

— Из-за котёнка?!

Вместо ответа я почувствовала, как к обнажённому предплечью знакомо прижалось дуло пневмошприца. Щелчок — и волна оледенения заскользила по телу, погружая меня в небытие. Вздых и укоряющее «все вы, творчи, такие» услышала уже в последний момент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.